

Под узорчатым деревянным окном в старинном китайском стиле стояли изящные европейские эмалевые часы. Когда они пробили ровно восемь вечера, крошечная механическая птичка высунулась из распахнувшихся дверок и прокуковала восемь раз.

Когда кукование затихло, Юэжу, чей образ воплощал Чу Цинюнь, бережно опустила на стол глиняный кувшин.

— Можете продолжать, — невозмутимо обронила она. — Я не помешаю.

— Вы же вдвоем позвали меня на вино, — возразил маршал. — Разве я могу обделить тебя вниманием?

Маршал, которого играла Хэ Юэ, на удивление старательно разыгрывал из себя галантного джентльмена, сохраняя вежливый и мягкий тон.

Пятая госпожа накрыла этот ужин в своих покоях. Оказавшись меж двух огней — сделкой с Юэжу и приказами маршала, — она прекрасно понимала, что ей уготована роль третьего лишнего. Однако столь откровенное пренебрежение со стороны собственного супруга уязвило ее гордость. Синхуа раздраженно фыркнула, демонстративно покачала бедрами и вернулась на свое место, смерив Юэжу пренебрежительным взглядом.

— И то верно, сестрица Юэжу, — зашебетала она. — Не раздеваться же нам прямо при тебе? А коли маршал и возжелает продолжения, так ему придется взять нас обеих.

Услышав столь откровенный намек, маршал поперхнулся вином и притворно побагровел от гнева:

— Кха-кха-кха!.. Глупости! Что за вздор ты несешь!

Пятая госпожа лишь обиженно надула губы и отвернулась.

На крупном, плечистом Сун Сюйяне такая жеманная гримаса смотрелась до нелепости странно. Но в этой нелепости крылось своеобразное очарование, заставлявшее зрителей затаить дыхание.

Маршал, погруженный в свои думы, казался рассеянным. Чу Цинюнь же хранил на лице едва заметную, прохладную улыбку — казалось, он мысленно отстранился от сцены и просто наблюдал за игрой партнеров вместе со зрителями в зале.

Настоящая актерская выдержка — великая вещь. Зрители диву давались, как Хэ Юэ и Чу Цинюнь умудряются сохранять серьезные лица в такой ситуации. Зал снова взорвался хохотом.

— Ну же, Юэжу, присаживайся, — Хэ Юэ прокашлялась, возвращаясь в образ маршала.

Чу Цинюнь плавно опустился на стул. Оператор тут же вывел на экраны крупный план со спины: изящный изгиб его тонкой талии заставил мужскую половину зала невольно затаить дыхание.

Маршал силился произвести впечатление на ученую Шестую госпожу, но та держалась подчеркнуто холодно, словно происходящее ее нимало не касалось. Спасать неловкое положение пришлось Пятой хозяйке вечера.

— Мы с Шестой сестрицей зазвали вас, чтобы отблагодарить за спасение, — заговорила Пятая госпожа. — Не явись вы вовремя, маршал, нам вовек бы не отмыться от наветов.

По сюжету оригинальной картины Пятая госпожа хотела учить английский у госпожи Лю, и та пригласила ее в театр на заграничное варьете. По несчастливой случайности туда нагрянула облава — жандармы искали шпионов. Женщин едва не упекли за решетку, но вовремя подоспевший маршал устроил солдатам знатную трепку и лично забрал своих благоверных домой.

— Еще бы! Я... кхм, ваш покорный слуга — глава этого дома, — приосанился маршал. — Защищать своих женщин — мой святой долг.

Пятая госпожа потянулась было к кувшину, но маршал бесцеремонно перехватил его и самолично наполнил чарку Юэжу.

— И все же мне любопытно, — прищурился он. — Отчего жандармы нагрянули именно туда, где находились вы обе? Чистое совпадение?

— Всего лишь случайность, — отозвалась Юэжу.

Чу Цинюнь неторопливо поднес кубок к губам. Коснувшись краем фарфора нижней губы, он медленно, не сделав ни глотка, опустил его обратно на стол.

— Просто пить вино скучно, — мягко проговорила она.

Взглянув на супругов, Юэжу предложила:

— Не хотите ли... сыграть в игру?

Мысли Пятой госпожи явно потекли в весьма фривольное русло. На щеках Сун Сюйяна проступил густой румянец, а глаза испуганно округлились:

— И-игру? Какую еще игру?

Маршал тоже истолковал предложение двояко, однако Юэжу была девушкой современных взглядов и с момента своего насильственного водворения в поместье ни разу не одарила его ласковым словом. Вряд ли она затевала то, о чем он подумал.

Поразмыслив, он спросил:

— Хочешь бросить кости? Или сыграть в пайцзю?

— Слыхали ли вы когда-нибудь о заграничной забаве под названием «Truth or Dare»? — спросила Юэжу.

Пятая госпожа уперлась локтями в стол, подперев ладонью щеку, и в очередной раз раздраженно фыркнула:

— Опять заговорила на своей птичьей мове...

Маршал, знавший иностранные языки, удивленно вскинул брови:

— Истина или вызов?

— По-нашему это называется «Честность или смелость», — ответила Юэжу.

Чу Цинюнь достал из лакированной шкатулки игральный кубик.

— Каждый бросает по очереди. Тот, у кого выпадет наименьшее число, выпивает чарку и выбирает: либо искренне ответить на любой вопрос, либо беспрекословно исполнить любое действие. Никаких поблажек и отказов. А кто нарушит уговор... пусть тотчас падет мертвым.

С этими словами ее холодная отстраненность растаяла. Юэжу дерзко вскинула подбородок и одарила маршала вызывающей улыбкой.

Словно фарфоровая кукла внезапно обрела живую душу. Эта мимолетная улыбка оказалась настолько пленительной, что искушенный женской красотой маршал буквально оцепенел.

Сун Сюйян в роли Пятой госпожи тоже на миг застыл от восхищения. Опомившись через пару секунд, он принялся ревниво переводить взгляд с одного на другую и, воспользовавшись тем, что маршал завороченно пялился на соперницу, закатил глаза в третий раз за сцену — но теперь уже на супруга.

Для наивных гимназистов или простых обывателей подобная забава — пустяк. Но для жестокого милитариста, держащего в кулаке целые провинции, или для тайного агента игра в откровения несет смертельную угрозу.

Вызволив женщин из жандармерии днем ранее, маршал уже заподозрил в Юэжу шпионку. Вот только он не верил, что девчонка способна причинить ему вред, и лелеял мысль сперва покорить строптивую красавицу, а уж потом пустить в ход закон.

Он хмуро усмехнулся.

«Хитрая бестия, — размышлял он, разглядывая Юэжу. — Называет это простой забавой, а сама идет ва-банк, ставя на кон собственную жизнь».

«Жалкая девка, которой суждено быть лишь моей наложницей... Неужто мнит, что сможет перевернуть небо?»

Маршал мигом сбросил маску благообразного джентльмена. Выхватив из кобуры тяжелый револьвер, он с грохотом опустил его на дубовую столешницу.

— Отлично! — гаркнул он. — Оружие будет нашим поручителем. Тот, кто посмеет солгать или струсит перед вызовом, пустит себе пулю в лоб!

— Ах! — испуганно пискнула Пятая госпожа. — Что же это... Только ведь мирно беседовали, отчего вдруг...

— Не тревожьтесь, сестрица, — успокоила ее Юэжу.

Чу Цинюнь потянулся вперед, чтобы налить Пятой госпоже вина. Тяжелый нефритовый браслет соскользнул к локтю, подчеркивая безупречную белизну тонкого запястья, сиявшего под светом софитов.

— Это всего лишь шутка. Пока мы верны уговору, маршал не станет проливать кровь, — она бросила выразительный взгляд на Хэ Юэ. — Ведь он человек чести.

Перед зрителем разворачивался поединок равных, несмотря на всю пропасть между ними. Слабая женщина в шелковом ципао не ведала страха. Свои очарование и острый ум она превратила в разящее оружие, заставив грозного владыку смотреть на нее не свысока, а как на равного противника.

Этот вызов казался безрассудным, но несгибаемая воля героини завораживала. Она манила к себе, заставляя хищника добровольно ступать в расставленные для него силки.

Сначала зрители смотрели на происходящее глазами маршала, замороженные этим трепетным, но упрямым огоньком свечи. Но стоило объективу сменить ракурс на Чу Цинюня, как наружу проступила горькая правда: под напускным пренебрежением мужчины крылась слепая, граничащая с безумием одержимость.

Хэ Юэ играла на пределе возможностей. В ее взгляде сквозила тончайшая смесь самообмана и торжества. Маршал мнил себя охотником, не замечая, что давно уже послушно идет на поводке.

— Играем! — рявкнул маршал, хватая кость и вкладывая ее в дрожащие пальцы Пятой госпожи.

Бедная женщина, оказавшаяся меж двух огней, затравленно сжалась и послушно бросила кубик на стол.

Выпала четверка. Юэжу выбросила шестерку, а маршал — двойку.

— Я выбираю правду, — маршал вальяжно откинулся на резную спинку кресла и властно положил руки на подлокотники. — Посмотрим, о чем посмеет спросить меня моя наложница.

Напоминание о навязанном позоре больно задело Юэжу, однако лицо ее осталось бесстрастным, словно она пропустила издевку мимо ушей.

— Весь Цзянчэн гудит о том, что японские купцы из Маньчжурии предложили вам сделку, — ровным голосом произнесла она. — Вы дали согласие?

Пятая госпожа, доселе тихо дрожавшая в углу, от такого вопроса так и подскочила:

— Что?!

Маршал нахмурился, в упор разглядывая Юэжу. В комнате повисла тяжелая тишина. Наконец он криво усмехнулся:

— Да. Согласился. И договор уже подписан.

Юэжу с такой силой сжала тонкую фарфоровую чарку, что побелели костяшки пальцев. В ее глазах на миг вспыхнула яростная, испепеляющая ненависть.

Пятая госпожа и подумать не могла, что супруг ответит честно. Она лишь беззвучно ловила ртом воздух, округлив глаза.

Маршал единым глотком осушил чарку, вновь наполнил ее до краев и сгреб со стола кость:

— Мой черед пройден. Кидаем снова.

На этот раз худший результат достался Пятой госпоже. Смертельно бледная, она прошептала:

— Действие...

Маршал лениво приподнял кожаную плеть и коснулся ее кончиком шелка на груди жены:

— Расстегни пуговицу на воротах.

— Что? — она в испуге прижала ладонь к шее, умоляюще глядя на Юэжу. — Но... при посторонних... разве это пристойно?

Пятая госпожа не отличалась кротким нравом, но за последнее время, проведенное бок о бок с Юэжу, наслушавшись ее речей и видя, с каким почтением к ней относятся ученики в школе, она впервые в жизни испытала стыд. Ей до боли не хотелось ронять свое достоинство перед этой чистой душой.

— Цыц! — маршал потерял терпение. Жесткие пальцы больно впились в ее подбородок, заставив поднять голову.

В оригинальной картине герой грубо хватал жену за лицо, но ладонь Хэ Юэ была слишком изящной, поэтому актеры решили заменить этот жест на крепкий хват за подбородок. Менее унижительной сцена от этого не стала: пальцы маршала сжали кожу так сильно, что на глазах Пятой госпожи выступили слезы.

— Ты ведь сама затеяла это пиршество, чтобы ублажить меня в четыре руки, верно? К чему теперь корчить из себя добродетельную деву?

Юэжу презрительно скрестила руки на груди.

— Мерзость, — процедила она.

Она и прежде не баловала грозного генерала лаской, но сейчас, уязвленный при свидетелях, маршал мгновенно помрачнел.

— Ты, похоже, забыла, девка, что я могу пристрелить тебя прямо здесь?

Прежде чем маршал успел вскипеть, в комнате раздался истошный, визгливый крик Пятой

госпожи:

— Чэн Юэжу!

Вскочив с места, она с размаху влепила сопернице звонкую пощечину.

Юэжу опешила. Даже маршал на секунду лишился дара речи.

Хотя шлепок вышел звучным, он был совершенно безболезненным. Тем не менее Пятая госпожа не унималась: уцепившись ухоженными пальцами с ярко-красным маникюром в щеки Юэжу, она принялась сердито трясти ее красивое лицо, злобно шипя сквозь зубы.

— Поганая девчонка! Язык без костей! Попробуй еще раз оскорбить меня — я тебе все волосы повыдираю!

Глядя на то, как исказилось обычно надменное лицо неприступной красавицы, маршал оглушительно расхохотался:

— Ты и впрямь думаешь, что она ругала тебя?

— А кого же еще! — огрызнулась Пятая госпожа.

Она метнула полный ярости взгляд на Юэжу, но, обернувшись к мужу, мгновенно расплылась в приторно-сладкой улыбке:

— Она ведь прямо на меня глядела, когда говорила это! Не вас же ей честить? На такое у нее смелости не хватит.

С этими словами она кокетливо распустила верхнюю шелковую пуговицу своего платья.

Воротник-стойка китайского платья доходил до самого подбородка, так что этот жест не открыл взору ничего лишнего. Тем не менее Пятая госпожа демонстративно смотрела только на супруга, полностью игнорируя Юэжу.

— Для меня великое счастье угождать вам, мой господин. За ваше здоровье!

Вино ли оказалось чересчур крепким, но когда она опустила пустой кубок, в ее глазах блеснули слезы. Дрожащая улыбка на ее лице в неверных отсветах пламени свечи выглядела отчаянно и трогательно.

Юэжу молча всматривалась в мокрые дорожки на щеках названной сестры, и в ее холодном

взгляде на миг промелькнула глубокая жалость.

Маршал, упиваясь своей властью и ее покорностью, пренебрежительно похлопал рукоятью плети по запястью Юэжу:

— Что, больно? Так тебе и надо.

Юэжу лишь презрительно фыркнула в ответ.

На третий бросок удача отвернулась от Юэжу — у нее выпало наименьшее число.

— Мой вызов, — твердо произнесла она.

— Вот и славно! — ухмыльнулся маршал. — Живо расстегивай платье.

Пятая госпожа испуганно переводила взгляд с деверя на мужа, явно собираясь с силами, чтобы уберечь девушку от позора и принять удар на себя.

Но Юэжу опередила ее. В упор посмотрев на маршала — равнодушно и холодно, будто перед ней лежал безжизненный труп, — она медленным, уверенным движением распустила верхнюю пуговицу на воротнике.

Шелковый ворот слегка разошелся. И хотя это не обнажило тело, сама небрежность ее облика рождала ощущение сладостного греха, заставлявшее сердца присутствующих биться чаще.

Сун Сюйян скорчил забавную мину, забавно вытаращив глаза, но на этот раз в зале никто не рассмеялся.

Сюжет этой легендарной ленты был знаком почти каждому зрителю, ее переснимали десятки раз. Однако глубина погружения актеров в роли заставляла забыть обо всем. Пусть маршал казался излишне утонченным, а Пятая госпожа — избыточно плечистой, неземная красота Чу Цинюня с лихвой окупала любые нестыковки. Каждое движение его рук, каждый наклон головы ложились на душу зрителей, точно мазки на холсте искусного живописца. С той самой секунды, когда на его губах расцвела эта дерзкая, подобно редкому цветку в пустыне, улыбка, зал начисто позабыл, что перед ними разыгрывается любительский спектакль с переодеванием.

Казалось, время повернулось вспять, перенеся всех в полумрак той безумной, опасной эпохи, заставлявшее затаить дыхание перед разворачивающейся трагедией.

— Хороша! — маршал с силой хлопнул ладонью по столу и, хоть правила того не требовали, махом осушил свою чарку. — По-нашему, по-заграничному! Свободный нрав!

— Эту чашу я выпил за твою смелость! — он хохотнул, глядя на притихшую жену. — Учись, глупая девка, твоя сестрица куда бесстыднее тебя!

— Не утруждайтесь, — холодно отозвалась Юэжу, сама наливая себе вина. — Продолжаем.

Судьба сделала круг, и кости снова указали на маршала. Осушив чарку, он ухмыльнулся:

— Мой выбор — правда.

— Условия договора с японцами, — потребовала Юэжу.

Пятая госпожа испуганно охнула.

Хмель окончательно ударил маршалу в голову. Он развалился в кресле, ухмыляясь с пьяной удалью:

— Хорошо ли ты подумала, лапушка? Коли я открою тебе эту тайну, живыми вы отсюда уже не выйдете.

Пятая госпожа в ужасе зажала уши ладонями:

— Пощадите! Я ничего не желаю знать! Говорите только с ней!

Хохоча, маршал безжалостно рванул жену за локоть, заставив отнять ладони от лица, и с вызовом уставился на Юэжу.

Юэжу и бровью не повела.

— Неужто великий маршал боится собственного уговора?

— Кто? Я?! — взвился он. Подавшись вперед всем телом и не выпуская руку испуганной жены, он прошептал: — Ладно! Слушай. Они поставляют мне новейшие винтовки. А взамен я отдаю им живой товар. Чернорабочих, которых они увозят за океан строить железные дороги.

— Как?! — вскричала Пятая госпожа и тут же обессиленно повалилась на спинку стула, осознав, что услышала то, за что лишают жизни.

Лишь теперь Юэжу, остававшаяся безучастной и к угрозам смерти, и к позорной пощечине, дрогнула. Губы ее сжались в тонкую линию, а в глубине глаз вспыхнуло омерзение. Пальцы судорожно дернули шелковый платок, и тонкая ткань с треском лопнула пополам.

Заметив ее смятение, маршал торжествующе оскалился. Игра по-настоящему увлекла его. Он вновь катнул кость:

— Продолжаем!

И□□

И снова кости благоволили Юэжу. Ее шелковый ворот был распахнут, а из аккуратной прически выбилось несколько завитков после удара Пятой госпожи, однако ее величественная осанка оставалась прежней.

Тонкие брови сошлись на переносице, выдавая глухую ярость, с трудом сдерживаемую под маской ледяного спокойствия.

— Поговаривают, когда вы только собирали войско, то клялись защищать родную землю и оберегать каждую семью, — негромко заговорила она. — Цзянчэн велик, но здешние роды тесно переплетены кровными узами. Задумывались ли вы, маршал, чьих братьев и сыновей вы отдаете на убой чужеземцам?

В таких городах, как Цзянчэн, все жители приходились друг другу дальними родственниками. Облавы велись в строжайшем секрете, но порой случалось непоправимое — под горячую руку попадали близкие тех самых солдат, что служили маршалу верой и правдой. Не будь перед ним беззащитной сироты, маршал заподозрил бы, что за каждым его шагом следят ищейки.

Улыбка победителя сошла с его лица. Напустив на себя угрюмый вид, он молча опрокинул в себя кубок вина.

— Много ты смыслишь, глупая девка! — прорычал он сквозь зубы. — В смутное время выживает тот, кто успел набить мощной сундуки!

Хмель явно брал свое. Маршал судорожно выпил еще несколько чарок кряду, взъерошил пятерней волосы и сорвался на крик:

— Зато у меня теперь ломящиеся от оружия склады и горы серебра! Я пью лучшее вино и сплю на шелках! И мне плевать, чьи это сыновья и чьи братья!

В его бешеном вопле звенели страх и бессильная ярость раненого зверя, чей авторитет посмели растоптать.

Пятая госпожа, уже мысленно похоронившая себя и беззвучно лившая слезы, испуганно вздрогнула от этого рева.

Однако Юэжу и не думала отступать. В следующем раунде она проиграла — и без тени сомнения расстегнула вторую пуговицу. Но едва кости вновь выпали в ее пользу, она безжалостно нанесла новый удар:

— В вашем поместье без умолку бьют в гонги и возносят молитвы Будде. Но ведомо ли вам, маршал, какая кара ждет грешников? Убийц низвергают на гору раскаленных клинков в седьмое пекло. Грабителей варят в кипящем масле в девятом. Предателей топят в реке гноя и крови в тринадцатом, а казнокрадов сжигают в пламени вулкана в шестнадцатом... Ваши солдаты проливали кровь за вас, а вы продали их семьи чужакам. Неужели вы не боитесь, что на том свете вам придется испить чашу мук во всех восемнадцати кругах ада?

Тихий, певучий голос Юэжу звенел чистой сталью. Каждое ее слово било наотмашь, безжалостно вытаскивая на свет божий те гнусные тайны, которые маршал тщетно пытался заглушить хмелем.

Разве он один этим промышляет? Не он, так другие прибрали бы дело к рукам! Откажись он — и все южные кланы ополчились бы против него! Что может понимать в большой политике паршивая училка!

И все же... эти несчастные были плотью от плоти его родины. Многие из них приходились родней его собственным солдатам. И именно он, маршал, своей рукой обрек их на вечное рабство на чужбине.

Маршал долго смотрел на нее тяжелым, мрачным взглядом.

— Ты ведь училась за границей, — глухо произнес он. — Неужто веришь в эти бабьи сказки?

— Верю, — твердо ответила Юэжу.

— А я — нет! — маршал схватил кувшин и стал жадно пить прямо из горлышка. С грохотом опустив его на стол, он прорычал: — Что ты смыслишь в этой жизни?! Ну, узнала ты правду — и что с того? Сожжешь их корабли? Перебьешь японцев? Ты всего лишь слабая баба! Без моего покровительства ты никто и звать тебя никак!

Юэжу медленно протянула руку к револьверу, лежавшему на столе, и навела дуло прямо маршалу в грудь. Ее взгляд сделался ледяным.

— Зато я могу прямо сейчас отправить тебя на тот свет. И ты самолично проверишь, существует ли ад.

Они замерли, тяжело глядя друг на друга. В этом безмолвном противостоянии было что-то интимное, понятное лишь им двоим. Наконец маршал опустил плечи и хрипло расхохотался:

— Ха-ха-ха! Клянусь небом, только такая женщина и могла мне приглянуться! С характером!

Он лениво потянулся и без труда отобрал у нее оружие.

— Дурочка, ты даже предохранитель не сняла. Как же ты собиралась лишить меня жизни?

Юэжу медленно опустила руки и вновь наполнила его кубок.

— Вы ведь умеете им пользоваться, маршал. Так отчего же до сих пор не пристрелили тех, кто заслуживает смерти?

Вместо ответа он покатыл кость по столу:

— Играем дальше.

Пятую госпожу, которая уже лишилась чувств от страха, они больше не замечали. На этот раз победа осталась за маршалом.

— Выбирай правду, — приказал он. — У меня к тебе серьезный разговор.

— Вызов, — отрезала Юэжу.

Пятая госпожа с трудом пришла в себя и с тихим ужасом уставилась на названую сестру. На платье Юэжу уже не доставало двух пуговиц, обнажая белую шею и хрупкие ключицы. Еще один шаг — и она окажется полураздетой перед чужими взглядами!

— Ты оглохла, девка?! Я велел отвечать! — рявкнул маршал.

— Вызов, — повторила Юэжу, не дрогнув.

— Вызов, значит? — маршал злобно оскалился, в его глазах вспыхнул опасный огонек. — Эй, стража! Живо сюда!

Двери распахнулись, и в залу один за другим вошли солдаты в форме времен Китайской Республики с винтовками наперевес.

Зрители мгновенно узнали в них выбывших участников: Шао Жаня, Чэнь Сяоди, Тан Цзиньи и бывшую напарницу Хэ Юэ.

В этом гендерно-перевернутом спектакле хрупкие девушки в шинелях смотрелись на

удивление гармонично. По сюжету адъютанты застали своего командира за распитием вина в обществе полураздетых наложниц. Солдаты покорно опустили головы, не смея поднять глаз на разгневанного генерала.

Зрители, до предела напряженные драматизмом сцены, при виде знакомых лиц наконец смогли перевести дух.

— А ну, поднимите головы! Смотрите на нее! — скомандовал маршал. Повернувшись к Юэжу, он процедил: — Спрашиваю в последний раз: правда или действие?

Солдаты послушно вскинули головы и замерли, не в силах отвести взгляд от пленницы.

Щеки Юэжу рдели от выпитого вина, но взгляд оставался ясным и твердым. Расстегнутый ворот обнажал изящные ключицы. Медленно, опираясь ладонью о край стола, она поднялась во весь рост.

По залу пролетел сонный вздох восхищения. Те, кто пытался сосредоточиться на сюжете, недовольно шикнули, но в следующую секунду уже весь зал затаил дыхание.

Ципао на Чу Цинюне было сшито по строгим историческим лекалам: закрытый крой, длинные рукава и всего три пуговицы сверху донизу, последняя из которых крепилась у самого пояса.

Когда Юэжу сидела, это не бросалось в глаза. Но стоило ей встать, как распахнутый ворот открыл взору тонкое кружево заграничного корсета.

В оригинальном фильме режиссер пощадил актрису и показал сцену лишь крупным планом. Но поскольку роль исполнял мужчина, Чу Цинюнь мог позволить себе куда более смелый ракурс. Во время репетиций актеры договорились с оператором вывести этот момент на большой экран во всей красе.

И теперь зрители воочию наблюдали, как шелк платья мягко расходится при каждом шаге Юэжу, являя взору ослепительный контраст между белоснежной кожей и черным кружевом.

У солдат пересохло в горле. Они судорожно сглатывали, боясь даже вздохнуть лишний раз, не говоря уже о греховных мыслях. И дело было не в том, что перед ними стояла наложница их господина. Всему виной был ее взгляд.

Точно такой же взгляд маршал однажды видел у раненой волчицы на охоте. Перебитая лапа кровоточила, но зверь не ведал страха. Перед лицом смертоносного дула волчица скалила клыки, готовая забрать охотника с собой в могилу, и напоследок вырвала зубами кусок плоти из конского бока. Маршал пристрелил ее, но слуги еще долго не решались подойти к безжизненному телу, чей взор даже после смерти оставался свирепым.

И сейчас этот хрупкий силуэт в ципао неумолимо напоминал им ту самую хищницу.

Юэжу смерила маршала ледяным взглядом и плавной, неторопливой походкой приблизилась к нему, небрежно опустив ладонь на спинку его кресла.

Лицо генерала оказалось на уровне ее груди. Его взгляд невольно скользнул вниз, и вся былая спесь мгновенно испарилась, уступив место хмельному вожделению.

«Похотливый, глупый глупец...»

Юэжу горько усмехнулась и коснулась пальцами последней пуговицы у пояса. Если она расстегнет и ее, то предстанет перед мужчинами нагой по пояс.

— Чэн Юэжу! — в панике закричала Пятая госпожа. — Да ответь же ты ему! Коли чужие мужики увидят тебя нагой, тебя же в реке утопят!

«Надо же, — подумала Юэжу, — этот нелепый позор пугает ее сильнее, чем дуло у виска».

Она обернулась. В глазах Пятой госпожи стояли слезы, а в голосе звенела искренняя мольба:

— Не упрямясь, сестрица! Бесчестье хуже смерти!

— Бесчестье? — Юэжу горько рассмеялась. — Обнажить плечо — это позор? А продавать собственных сограждан чужеземцам ради злата — благодетель? Моя чистота хранится в моей душе и моих помыслах. Тело тут ни при чем.

Она резко схватила маршала за подбородок, заставив его смотреть себе в глаза. В ее голосе зазвенела презрительная усмешка:

— Отчего же мужчина, мечтающий о ласках сотен дев, никогда не заботится о собственной непорочности?

Этот взгляд отрезвил маршала лучше ледяной воды. Пораженный ее дерзостью, он с силой оттолкнул ее руку.

Но левая рука Юэжу уже скользнула к последней пуговице. Под онемелыми взглядами солдат она принялась неторопливо распускать ее. За мгновение до того, как шелк разошелся окончательно, маршал рванулся вперед и перехватил ее пальцы.

В ярости он вскочил на ноги, одной рукой запахивая полы ее платья, а другой мертвой хваткой вцепился в ее тонкую шею.

— Пощадите! — взвизгнула Пятая госпожа. Забыв о собственном расстегнутом вороте, она бросилась к ним. Дрожащими руками она принялась застегивать пуговицы на платье Юэжу, одновременно пытаясь оттащить тяжелую руку мужа. — Пожалейте ее, господин! Она ответит! Она выберет правду! Отпустите ее, дайте вздохнуть, и она все расскажет!

Маршал скосил глаза на рыдающую жену, затем снова посмотрел на Юэжу и слегка ослабил хватку.

Юэжу, хрипя, перевела взгляд на Пятую госпожу. Та стояла рядом, грозно сжав кулачки, с таким решительным видом, будто готова была самолично поколотить подругу, посмей та снова упрячиться.

С трудом сделав вдох, Юэжу ласково улыбнулась Пятой госпоже, после чего вновь обратила к маршалу свой холодный взор:

— О чем же вы хотели спросить?

В комнате пронесся дружный вздох облегчения.

— Вон, — процедил маршал, не оборачиваясь.

Адъютанты, пятясь, поспешили к выходу, но даже у дверей не могли оторвать глаз от хрупкой женщины, едва не принявшей лютую смерть. Зачем этой неземной красавице, способной одним лишь кивком подчинить любого мужчину, столь упорно искать гибели? Отчего в ее глазах горит этот яростный огонь непокорности?

— Кто еще раз взглянет — прикажу выколоть бельма, — ледяной голос маршала заставил солдат вздрогнуть. Они кубарем выкатились из покоев.

Когда дверь захлопнулась, он окончательно разжал пальцы и грубо толкнул Юэжу обратно на стул.

— Отвечай: какого ты цвета? — глухо спросил он.

Пятая госпожа, тяжело дыша, опустилась на свое место.

— Цвета? — не поняла она.

Юэжу тоже удивленно вскинула бровь:

— Цвета?

— Не прикидывайся душой! — прикрикнул маршал. — Спрашиваю: красный ли твой цвет?

Юэжу тихо закашлялась, осторожно потирая багровый след на шее.

— О каком именно месте вы спрашиваете, господин? — на ее губах появилась слабая улыбка. — Мои волосы и глаза черны. Платье — синее. А кровь, как и у всех, красная.

— А твое сердце? Оно тоже красное? — маршал подался вперед.

— Вы шутите. На свете нет людей с иным цветом сердца.

— Хватит юлить!

Маршал резко схватил револьвер со стола и, вновь сдавив ее горло, прижал холодное дуло к ее виску:

— На кого ты работаешь?! На Нанкин или на Яньань?!

Даже далекая от политики Пятая госпожа теперь все поняла. Вскрикнув, она едва не рухнула со стула, не сводя потрясенного взгляда с Юэжу.

— Так она... она из этих?!

Юэжу осталась спокойна, будто давно ждала этого вопроса.

— Надо же, сколько времени вы копили в себе это подозрение. Рада, что вы наконец решились спросить.

Сказать это вслух означало разрушить иллюзии и признать, что он больше не может держать ее при себе как обычную наложницу.

— Признайся сама, — хмуро процедил маршал. — И, возможно, я сохраню тебе жизнь.

Юэжу посмотрела ему прямо в глаза:

— Маньчжурия.

— Северо-Восток? — маршал вздрогнул.

В те годы это слово жгло слух каждому китайцу. Оно напоминало об оккупированных землях, о ране, которая исходила кровью на теле истерзанной родины.

Пальцы маршала ослабли, он отступил на несколько шагов назад.

— Мой дед был родом из Порт-Артура, — Юэжу неторопливо поправила растрепанные волосы. В ее голосе зазвучала тихая, щемящая тоска. — Малышкой я часами сидела у него на коленях, слушая сказания о верном генерале Юэ Фэе. Позже отца перевели по службе, мы уехали во Францию, а воротившись, обосновались в Цзянчэне.

Губы маршала дрогнули, но он не проронил ни слова.

— Не похить вы меня тогда на улице, — продолжала она, — я бы давно уже сражалась на Северо-Востоке.

— Ты безумна! — маршал вскинул было револьвер, но тут же в ярости отшвырнул его в угол комнаты и принялся мерить залу неровными шагами. Остановившись прямо перед ней, он яростно закричал:

— Ты совсем рассудок потеряла?! Северо-Восток подмяли под себя японцы! Вас там горстка партизан, как вы собираетесь воевать с регулярной армией?! Это же верная смерть! А ты еще смеешь корить меня за то, что я забрал тебя к себе? Да я спас тебя от гибели!

— Это я безумна? Или все же вы?!

Юэжу резко поднялась с кресла и медленно, шаг за шагом, двинулась на него.

— Видели ли вы когда-нибудь, чтобы хищник, почуяв кровь, удовлетворился малой частью добычи? Неужто вы верите, что японцы остановятся на Маньчжурии? Провинция Тай, Пэнху, Шаньдун, Северо-Восток... Эти бесконечные учения у наших северных границ — вы что, ослепли?! Нашу родину рвут на части, а вы чем заняты? Режете друг друга! Продаете земли! Торгуете собственным народом!

Ее голос звучал негромко, но в нем клокотала такая неистовая боль, что каждое слово гулко отдавалось в ушах, подобно ударам храмового колокола.

С каждым словом Юэжу наступала. И этот грозный правитель, вершивший судьбы тысяч людей, трусливо пятился назад. Вся былая спесь слетела с него. Те крупницы чести и долга, которые он годами хоронил в себе под грузом цинизма, теперь рвались наружу вопреки всякому рассудку.

Еще мгновение назад эта хрупкая женщина казалась ему лишь забавной игрушкой. Ее тонкую шею можно было сломать одним движением, ее кости казались хрустальными. Ее борьба

виделась ему лишь нелепым фарсом.

Но теперь он понял: перед ним стоит великан. Ее дух был крепче стали, ее вера — непоколебима. У нее было то, чего он сам давно лишился — великая цель. И он чувствовал себя ничтожным перед этим величием.

— Вы ведь прекрасно знаете, что творите, — Юэжу безжалостно наступала. — На что уходят горы вашего серебра? Против кого обращены ваши пушки? Вы — трус, способный воевать лишь с собственными братьями! Мечтаете покорить меня? Что ж, покажите доблесть! Ведите свои полки на Северо-Восток, в Шаньдун, в Провинцию Тай! Сбросьте японцев в море! Вы вольны взять мое тело силой. Но мое сердце вам не подчинить. Свою любовь я отдам лишь тому, кто готов умереть за свободу нашего народа.

Лишь маятник часов мерно отсчитывал секунды: тик-так, тик-так.

В съемочном павильоне и у экранов трансляции воцарилась оглушительная тишина. Комментарии в чате замерли. Эту звенящую паузу нарушил лишь тихий, надрывный всхлип Пятой госпожи.

Загнанный в угол маршал опомнился. Пытаясь вернуть уплывающее превосходство, он грубо схватил Юэжу за плечи и с силой оттолкнул от себя.

— Учитель Чэн Вэй! — взревел он, назвав ее настоящим именем, которое так жаждал вычеркнуть из ее памяти. Дрожащий палец уперся ей в грудь: — Я притащил тебя сюда не для того, чтобы слушать твои лекции! Мне нужно твое тело, черт бы тебя побрал! Твое тело! Думаешь, мне сладко торговать людьми? Я делаю это, чтобы прокормить всех вас! У меня давно куплен дом за границей, и как только грянет настоящая буря, я увезу вас в безопасное место! Ты совсем лишилась ума?! Отказываешься от сытой жизни ради гибели в маньчжурских снегах? Стоит тебе там сгнуться — и все кончено! Твоя хваленая свобода, твоя чистая душа, твоя хрупкая жизнь — кому они будут нужны после твоей смерти?! Это не я, это вы безумны! Все вы, идеалисты, просто сумасшедшие!

Он выкрикивал эти малодушные, трусливые слова со всей силой легких, но по его щекам катились крупные, горькие слезы.

Когда-то он тоже шел в бой ради спасения родины, хоронил товарищей и верил в справедливость. Но годы смуты выжгли его душу, превратив в циничное чудовище — именно в того, кого он презирал больше всего на свете.

И все же корни не отпускали его. Песни предков, древние предания этой земли, единый язык сотен миллионов сограждан — все это жило в нем. Разбуженная совесть причиняла невыносимую муку, но избавиться от нее было невозможно.

Принимая приглашение на этот ужин, он втайне желал именно такой развязки. Строптивая

учительница заморозила его. Рассудок требовал сломить ее волю силой и принудить к покорности, но мятежная душа маршала трепетала перед ее величием, отчаянно стремясь к этому чистому, манящему свету.

— Сколько лет нашему маршалу? — тихо спросила Чэн Вэй у заплаканной Пятой госпожи. — Никак за сорок перевалило?

— Нет... что вы, — сквозь слезы вымолвила та. — Всего тридцать восемь...

— Тридцать восемь, — Чэн Вэй грустно покачала головой. — А крику-то, точно у неразумного дитяти.

Понимая, что ее тайна раскрыта, она больше не пыталась бежать. Спокойно вернувшись к столу, она налила себе полную чарку вина.

Пятая госпожа замороженно смотрела, как капля вина сорвалась с подбородка Чэн Вэй и упала на шелк платья. В эту секунду она наконец поняла, почему мужчины теряли от нее голову.

— Послушай... — робко начала она. — Та вещь, о которой ты толковала... Демократия.

Ее чистое английское произношение заставило маршала удивленно вскинуть голову. Поймав на себе их взгляды, Пятая госпожа смущенно улыбнулась:

— Ну... наш господин ведь жаловал глупеньких женщин. А теперь, когда мне все равно не жить, к чему притворяться?

Она повернулась к Чэн Вэй:

— Но если этот порядок так хорош, отчего же в заморских странах царит такой же хаос?

— Наш путь иной, — мягко ответила Чэн Вэй. — То, к чему стремимся мы — это власть самого народа. Время, когда ты, я, маршал и простой золотарь станем равны. Каждый будет трудиться ради себя, и никто не посмеет угнетать ближнего своего.

— Звучит красиво, — кивнула Пятая госпожа. — Будь на свете такое место, я бы открыла собственную оперную школу. Мой покойный учитель завещал театр своему непутевому сыну, который спустил все наследство в притонах, ведь женщинам владеть делом не дозволено.

— Тебе нечего бояться, — Чэн Вэй ободряюще улыбнулась ей. — За тобой нет никакой вины, а маршал не станет проливать кровь понапрасну. Когда меня не станет... прошу, передай мои сбережения приютской школе. Тамошним детишкам давно пора сменить парты.

Пятая госпожа смотрела на нее, не мигая. Вдруг она закрыла лицо руками, и из ее глаз хлынули слезы.

Чэн Вэй бережно коснулась ее плеча, утирая мокрые дорожки с ее щек.

— Мой отец перед кончиной повторял стихи великого Лу Ю: «Когда войска государя вернут северные земли, не забудь упомянуть об этом в поминальной молитве предкам».

Она вздохнула:

— Мне не суждено дожить до этого дня. Но если его увидишь ты... приди ко мне во сне и расскажи.

— Довольно городить чепуху! — грубо прервал ее маршал. Выудив из-за пазухи сложенный лист бумаги и тяжелый нефритовый пропуск, он швырнул их на стол. — Здесь указано место, где держат пленных, и часы смены японских караулов. Завтра в полдень людей увезут, и что случится после — не моя забота. Забирай это... но взамен ты разделишь со мной ложе.

«И в такую минуту он думает лишь о похоти...»

Пятую госпожу едва не вывернуло наизнанку от отвращения. Однако, понимая, что Чэн Вэй готова отдать за эти сведения жизнь, она со слезами прошептала:

— Сестрица... может, уступишь ему ради дела? Стерпишь разок?

Но прежде чем Чэн Вэй успела ответить, маршал покачнулся, рухнул грудью на столешницу и в мгновение ока захрапел на всю залу.

— М-маршал?.. — испуганно позвала Пятая госпожа, осторожно тронув его за плечо.

— Не старайся, он мертвецки пьян, — спокойно отозвалась Чэн Вэй.

На ее лице не отразилось ни тени удивления. Спрятав нефритовый пропуск и бумагу в сумочку, она подошла к зеркалу и принялась неторопливо поправлять прическу.

Пятая госпожа, еще секунду назад оплакивавшая подругу, остолбенела:

— Так ты... ты знала, что он не причинит тебе вреда?!

— Если бы в его сердце не осталось ни капли человечности, я не стала бы тратить на него слова, — ответила Чэн Вэй.

Почувствовав себя одураченной, Пятая госпожа надулась, но вскоре сменила гнев на милость и с недоумением посмотрела на девушку:

— Но все же... ты ведь рискуешь головой. Пускай сегодня пронесло, но завтра тебя поймают и расстреляют! Зачем тебе, такой молодой и красивой, лезть в самое пекло? Разве оно того стоит?

Чэн Вэй остановилась у дверей и обернулась. На ее лице расцвела удивительно теплая, сияющая улыбка.

Ни на лице самого Чу Цинюня, ни у его героини зрители еще не видели столь открытого и светлого выражения. Этот взгляд дарил веру в лучшее будущее.

— Неужели вы действительно не понимаете, госпожа Синхуа? — мягко спросила Чэн Вэй. — Я слышала, до того, как попасть в это поместье, вы были лучшей исполнительницей ролей воительниц в пекинской опере.

С тех пор как маршал привез ее в свой дом, ее величали лишь Пятой госпожой да Пятой сестрицей. Собственное имя показалось ей чужим и полузабытым.

— Ты... — растерянno пробормотала она. — Учительница английского, а разбираешься в народном искусстве?

— Есть одна пьеса, которую я очень люблю, — отозвалась Чэн Вэй. — Уверена, вы не раз исполняли в ней главную партию.

С этими словами пламя свечей угасло. Сверху упали два ярких луча прожекторов: один очертил силуэт Чэн Вэй, другой — застывшую Синхуа. Из динамиков грянули резкие, раскатистые аккорды традиционных китайских литавр, возвещая о финале сцены.

Зрители сидели затаив дыхание. Кое-кто из искушенных театралов подметил, что эта концовка перекликается с финалом исторической драмы «Дворец вечной жизни», где занавес опускался под старинную граммофонную запись.

На экране Чэн Вэй, не спуская глаз с Синхуа, медленно, пуговица за пуговицей, застегнула ворот своего платья. Ее движения были лишены профессиональной легкости актеров оперы, но величавая осанка и грянувшая следом ария заставили зал содрогнуться. Сильный, чистый голос Чу Цинюня разнесся под сводами студии, подобно удару стали:

— Слышу призывный гул барабанов и рожков, пронзающий небеса,

Просыпается во мне былая отвага, готовая сокрушить вражьи врата!

Помню, как в юные годы я вела в бой верного скакуна,

И вражеской кровью окрасился шелк моего подола.

Пока я дышу, мой долг пред отчизной свят и нерушим,

Ни пяди родной земли не уступлю я захватчикам злым!

Что мне японские карлики, жалкая их орда —

Одним лишь мечом я рассею мириады врагов без следа!

Синхуа замерла, точно изваяние. Свет над ней погас, и лишь одинокий луч провожал Чу Цинюня, уходящего со сцены. Силуэт его героини на мгновение замер за узорчатой оконной рамой.

— Стоять! — преградила ему путь тень часового. — Без приказа господина выход из поместья воспрещен!

Тень женщины в ципао протянула нефритовый жетон:

— У меня пропуск от самого маршала.

Солдат почтительно отступил:

— Простите за дерзость. Проходите, Шестая госпожа.

Все светильники разом погасли. Спустя секунду вспыхнул широкий луч софита, осветив опустевший обеденный стол.

Маршал по-прежнему лежал без чувств — то ли спал мертвецким сном, то ли притворялся. Пятая госпожа с заплаканным лицом молча прибирала со стола чарки и кувшины. Тихая мелодия пекинской оперы зазвучала вновь.

Губы Синхуа беззвучно шевелились. Зрители без труда догадались, что она мысленно повторяет грозные стихи Чэн Вэй. Вдруг ее руки замерли. В ярком луче прожектора ее розовое платье казалось алым, точно пролитая кровь. Она мертвой хваткой вцепилась в глиняный кувшин. В ее груди закипала глухая, безумная ярость. Музыка гремела все громче, достигая апогея —

И в момент, когда мелодия резко оборвалась, Синхуа — кроткая, покорная Пятая госпожа — с

размаху обрушила поднос с тяжелой утварью прямо на голову храпящего мужа. С грохотом посыпались черепки.

Конец выступления

На сей раз заводила в зале не сплеховал. Он первым вскочил с места, увлека за собой остальных. Шквал аплодисментов сотряс стены. Но даже когда лидер затих, овации не прекратились.

Из темноты зала донесся одинокий, зычный крик:

— Любо!

В былые времена так подбадривали актеров на оперных подмостках, выказывая высшую степень почтения их таланту. Это было сродни знаменитому западному «Браво!».

Пятитысячный зал, завороченный лиричностью и трагизмом сцены, дружно подхватил этот клич. Люди поднимались с кресел один за другим. Даже те, кто тайком утирал слезы, встали во весь рост, выкрикивая вслед за остальными:

— Браво!

— Браво!

— Браво!

Сцена после выступления

Экраны погасли, и на сцене вспыхнул ровный рабочий свет. Три актера, широко улыбаясь, вышли на поклон, полностью сбросив маски своих персонажей.

Члены жюри аплодировали стоя. Лишь режиссер Линь Юэшу хранила гробовое молчание. С самым суровым видом она поднялась из-за судейского стола и под недоуменными взглядами коллег направилась напрямик к сцене.

— Н-ну как? Все прошло хорошо? — Хэ Юэ, у которой от волнения дрожали колени, робко ткнула Сун Сюйяна локтем.

Тот скосил глаза. Похоже, он еще не вполне вышел из роли Пятой госпожи. Осмотрев ее мужской грим, он недовольно фыркнул и картинно закатил глаза:

— Под крылом нашего маршала провалов не бывает!

Хэ Юэ опешила.

Чу Цинюнь с силой хлопнул Сун Сюйяна по плечу:

— Очнись уже.

Парень вздрогнул, замотал головой и, сообразив, как нелепо прозвучала его реплика, густо покраснел. Он принялся поспешно извиняться перед сбитой с толку Хэ Юэ.

Чу Цинюнь осторожно потер покрасневшую от жесткой хватки шею. Бросив взгляд поверх приближающейся Линь Юэшу, он отыскал глазами Чжоу Чи, сидевшего на галерке. В грохоте оваций он заговорщически подмигнул ему, приподняв бровь.

— Режиссер Линь? Позвольте спросить, куда вы направляетесь? — засуетился ведущий, пытаясь преградить ей путь. — Уж не собираетесь ли вы проучить нашего маршала прямо здесь?

Но Линь Юэшу бесцеремонно обошла ведущего и взлетела на ступени сцены. Подлетев к Чу Цинюню, она обошла его кругом, затем бесцеремонно дернула за плечо недоумевающего Сун Сюйяна и напоследок поправила съехавший парик Хэ Юэ.

Убедившись, что все трое пребывают в крайнем замешательстве, она наконец приняла серьезный вид и, широко улыбнувшись, спросила:

— Ребята, как насчет того, чтобы сняться в моей новой картине?

<http://bllate.org/book/20480/2202510>